ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦА20
П643

Цѣна 10 коп.

Ц-1568 у
Плеханов, Г.В
ЦА20
П643

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Письмо Плеханова.

„Общее горе“.

Дума разогнана. Фактъ ея разгона подѣйствовалъ на русскихъ гражданъ ошеломляющимъ образомъ.

„*Наша жизнь*“,— въ статьѣ „*Роспускъ государственной думы*“, № 464,— говоритъ, описывая настроеніе Петербуржцевъ: „Никто отъ неожиданности не отдалъ себѣ отчета въ происшедшемъ, не оставилъ себѣ плана дѣйствій“. Въ томъ же номерѣ той же газеты г. В — зовъ сообщаетъ, что одинъ изъ депутатовъ, ѣхавшихъ въ Выборгъ на знаменитое отнынѣ совѣщаніе, замѣтилъ: „сегодня всѣ одинаково мыслятъ, горе у насъ у всѣхъ одно общее и это-то горе такъ сплотило, соединило въ одно“.

„*Новомъ времени*“ (№ 10893)г. Ал. Кс. говоритъ, что на Варшавскомъ вокзалѣ ему встрѣтились три крестьянскихъ депутата отъ западныхъ губерній. По его словамъ, эти депутаты „положительно со слезами покидали столицу. Передъ отъѣздомъ побывали въ Казанскомъ соборѣ, проѣхали еще разъ къ Таврическому дворцу, попрощались со своею думою, и молча на вокзалъ“. Это по истиннѣ трогательно. Но признаюсь, мнѣ не совсѣмъ понятно это огорченіе. Точнѣе сказать: оно понятно мнѣ только со стороны тѣхъ депутатовъ, которые не понимали истиннаго положенія дѣлъ, т. е. прежде всего политической роли государственной думы.

Что дума можетъ быть разогнана, это должны бы ни знать всѣ. И чѣмъ больше обострялось ея столкновеніе съ министерствомъ, тѣмъ очевиднѣе становилось, что если правительство не захочетъ уступить, призвавъ ко власти кадетовъ, то ему останется только прибѣгнуть къ „роспуску“ думы (чтобы употребить здѣсь мягкое выраженіе „*Нашей жизни*“). Весь вопросъ былъ въ томъ, когда именно приметъ оно свое рѣшеніе въ ту или въ другую сторону. Разумѣется, было бы гораздо лучше, если бы правительство приняло его не такъ скоро. Но для кого лучше? Во всякомъ случаѣе не для правительства. Для правительства всего лучше было, наоборотъ, какъ можно скорѣе довести конфликтъ до самой крайней степени обостренія. Лучше — потому, что въ нынѣшней политической атмосферѣ, его силы таютъ съ каждымъ днемъ. Подъ дѣйствіемъ этой атмосферы разлагается его послѣдняя опора: армія. Но разложенія этой его послѣдней опоры *только еще началось*. Если бы дѣло теперь же дошло до открытой борьбы съ оружіемъ въ рукахъ, то войско, за самыми малыми исключеніями, было бы еще на сторонѣ „*порядка*“. А если процессъ разложенія пойдетъ дальше, то дѣло приметъ совсѣмъ другой оборотъ: большая часть войска перейдетъ на сторону *свободы*.

2-й экз.

Это хорошо извѣстно правительству, и потому правительство, въ интересахъ самосохраненія поспѣшило разогнать Думу. Повторяю, очень жаль, что оно догадалось сдѣлать это. Но я всетаки не понимаю откуда у противниковъ нашего стараго порядка берется угнетенное настроеніе духа. Неужели ихъ упованія пріурочивались къ недогадливости правительства? Неужели только надежда на эту недогадливость поддерживала ихъ энергію? Если это такъ, то ихъ энергія была весьма незначительна. Плохъ тотъ боецъ, который вѣритъ въ свою побѣду только потому, что разсчитываетъ на промахи противника.

Кромѣ того наше „общее горе“ вовсе не такъ велико, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Ходъ общественнаго развитія опредѣляется соотношеніемъ общественныхъ силъ, а что касается этого соотношенія, то „роспускъ“ Думы измѣнилъ его не въ сторону реакціи, а въ сторону революціи.

Наши бланкисты упорно держались того убѣжденія, что мы должны бойкотировать Думу, такъ какъ въ противномъ случаѣ наша тактика способствовала бы укрѣпленію въ народѣ „конституціонныхъ иллюзій“. На самомъ дѣлѣ, чтобы разбить „конституціонныя иллюзіи“ народа, надо было не бойкотировать Думу, а принять дѣятельное участіе въ ея работахъ. Только опытъ можетъ показать всѣмъ, кто этого еще не видитъ,—а такихъ, къ сожалѣнію, еще много,—что народное представительство въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь, не имѣетъ никакихъ правъ, никакой юридической силы. Чѣмъ болѣе обнаруживалось юридическое безсиліе нашего народнаго представительства, тѣмъ болѣе разбивалась въ умахъ народа та иллюзія, что „конституція“, дарованная намъ въ октябрѣ, можетъ явиться орудіемъ обновленія нашей общественной жизни. А разъ уничтожится эта иллюзія,—народъ станетъ добиваться *другой*, настоящей, конституціи, *другого*, настоящаго, своего представительства, обезпечивающаго его самодержавіе, и тогда онъ вынужденъ будетъ понять то, чего онъ еще плохо понимаетъ теперь, т. е. то, что самые насущные его экономическіе интересы требуютъ созыва Учредительнаго Собранія на основѣ знаменитой четырехъ-членной формулы.

„Роспускъ“ государственной думы является предметнымъ урокомъ, наглядно показывающимъ народу истинное значеніе октябрьской „Конституціи“. Правда, для ученика было бы гораздо полезнѣе, если бы этотъ урокъ былъ данъ ему послѣ того, какъ онъ пріобрѣлъ бы болѣе значительную политическую подготовку, которой такъ сильно способствовала борьба революціи съ революціей въ Думѣ. И вотъ почему,—повторяю, было бы лучше, если бы правительство не такъ скоро разогнало Думу. Но какъ бы тамъ ни было, а несомнѣнно что и въ настоящее время этотъ предметный урокъ подвинетъ очень далеко впередъ политическое сознаніе ученика. А этимъ сознаніемъ,—и только имъ однимъ,—обусловливаются всѣ шансы побѣды свободы надъ рабствомъ. О чемъ же горевать?

Горевать можно развѣ только о томъ, что, благодаря „роспуску“ Думы, должна растаять, „яко таетъ воскъ отъ лица огня“, всякая надежда на *мирное* рѣшеніе переживаемаго Россіей кризиса. Но уже съ самаго начала этого кризиса всякому дѣятелю, не ослѣпленному политическимъ доктринерствомъ, ясно было, что такая надежда принадлежитъ къ числу совершенно неосновательныхъ „мечтаній“.

Манифестъ, съ которымъ обратились къ народу собравшіеся въ Выборгѣ бывшіе члены государственной Думы, повидимому, свидѣтельствуетъ о томъ, что отъ мечтанія о мирномъ рѣшеніи кризиса отказываются теперь даже люди, всегда относившіеся съ нерасположеніемъ и съ недовѣріемъ къ революціонному способу дѣйствій. Призывая гражданъ Россіи къ отказу отъ уплаты податей и отъ исполненія воинской повинности, депутаты, подписавшіе манифестъ, тѣмъ самымъ зовутъ ихъ *на путь революціи*. Въ этомъ смыслѣ поняла ихъ обращеніе къ народу вся западно-европейская печать. И она, конечно, не

ошиблась. Если народъ послѣдуетъ совѣту бывшихъ своихъ представителей, то онъ вступитъ въ открытую революціонную борьбу съ правительствомъ. Это врядъ ли нуждается въ разъясненіяхъ.

Но если это такъ, если „роспускъ“ государственной думы убѣдилъ даже многихъ изъ депутатовъ, не принадлежащихъ къ „лѣвымъ“ партіяхъ, въ томъ что мирное развитіе невозможно для Россіи; если Выборгскій манифестъ зоветъ народъ на путь революціонной борьбы, то спрашивается: сказано ли въ этомъ манифестѣ именно то и все то, что слѣдовало сказать въ революціонномъ обращеніи народныхъ представителей къ народу?

По моему, нѣтъ, не сказано.

Я считаю неправильной ту точку зрѣнія, на которую встали депутаты въ своемъ воззваніи.

Рекомендуемый ими отказъ отъ уплаты податей и отъ исполненія воинской повинности является актомъ самаго несомнѣннаго революціоннаго значенія. Но если бы сознательная часть нашего народа ограничилась такимъ отказомъ, то этимъ сила его революціоннаго сопротивленія правительству была бы доведена до минимума, что разумѣется, вовсе не въ интересахъ освободительнаго движенія. Почему же депутаты не рекомендовали народу ничего другого? Потому-ли, что все другое казалось имъ не цѣлесообразнымъ? Или потому, что имъ хотѣлось сохранить за народнымъ протестомъ характеръ *законности?* *).

Но это послѣднее врядъ-ли удастся: „законное“ сопротивленіе властямъ скоро перейдетъ въ незаконное. Что же касается цѣлесообразности, то на войнѣ наиболѣе цѣлесообразно то, что наноситъ наибольшій вредъ непріятелю, а способъ, рекомендованный народу выборгскимъ манифестомъ, именно и не принесетъ непріятелю всего того вреда, который нужно и должно нанести ему въ интересахъ свободы.

Главный вопросъ, который должны были поставить депутаты въ своемъ манифестѣ, состоялъ въ томъ, насколько соотвѣтствуетъ интересамъ народа такое народное представительство, которое можетъ быть распущено прежде, чѣмъ ему удастся выполнить народныя требованія. Достаточно было поставить этотъ вопросъ, чтобы онъ самъ отвѣтилъ на это отрицательно. А отрицательный отвѣтъ на вопросъ прямо привелъ бы депутатовъ къ тому выводу, что интересы народа требуютъ созыва Учредительнаго Собранія, и что если этому созыву будетъ предшествовать созывъ новой Думы, то и на участіе въ этой Думѣ надо смотрѣть лишь, какъ на одинъ изъ этаповъ на пути къ этой цѣли, какъ на одинъ изъ видовъ революціонной работы, подготовляющей политическую почву для названнаго собранія. Все остальное содержаніе Манифеста должно было расположиться вокругъ этой главной мысли и все оно должно было логически вытекать изъ нея.

Сдѣлавъ выводъ о необходимости созыва Учредительнаго Собранія, естественно было выяснить, что же дѣлать для того, чтобы осуществить этотъ выводъ на практикѣ. И тутъ прежде всего слѣдовало пригласить сознательныхъ гражданъ къ энергичному распространенію его въ отсталыхъ слояхъ населенія и,—last not least,—въ войскѣ. Слѣдовало показать, что народъ имѣетъ полную возможность нравственно воздѣйствовать на войско, составляющее плоть отъ его плоти и кость отъ его костей, и что когда революціонная идея проникнетъ въ войско, тогда уже ничто не будетъ препятствовать народному освобожденію, тогда уже легко будетъ справиться съ реакціей. А что именно понадобится

*) Они говорятъ: „правительство не имѣетъ права безъ согласія народнаго представительства ни собирать налоги съ народа, ни призывать народъ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Гос. Думу, вы вправѣ не давать ему ни солдатъ ни денегъ“ и т. д. Это—именно точка зрѣнія законности.

дѣлать тогда, когда революціонная идея совершитъ это предварительное,—необходимое и неизбѣжное,—завоеваніе, объ этомъ не было нужды, да и не возможно было, заговаривать въ Манифестѣ. Его читатели сами поняли бы, что еще рано толковать объ этомъ (такъ какъ „*довлѣетъ дневи злоба его*“), и что объ этомъ можно и полезно будетъ говорить только тогда, когда „злобой дня“ станутъ похороны нашего, пока еще продолжающаго жить и вредить, стараго порядка Словомъ, Манифестъ долженъ былъ сказать: „готовьтесь, ибо близится время“. И народъ внялъ бы голосу Манифеста; онъ сталъ бы готовиться, и чѣмъ энергичнѣе готовился бы онъ, тѣмъ болѣе приближалось бы время...

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, напечатанъ въ № 494 „Нашей Жизни“,—разосланъ по всей Имперіи циркуляръ, въ которомъ, напоминая объ обычномъ чтеніи Высочайшихъ манифестовъ на всѣхъ волостныхъ и сельскихъ сходахъ, предписывается губернаторамъ, чтобы они приняли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, для того, чтобы манифестъ сталъ извѣстенъ положительно каждому крестьянину“.

Это очень умно со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Лассаль былъ правъ, говоря: „слуги реакціи не краснобаи, но дай богъ, чтобы у прогресса было побольше такихъ слугъ“. Министерство внутреннихъ дѣлъ поняло, что исходъ нынѣшняго столкновенія зависитъ отъ того, что скажетъ „каждый отдѣльный крестьянинъ“, и оно принимаетъ свои мѣры къ тому, чтобы повліять на „каждаго отдѣльнаго крестьянина“. Друзья свободы должны, въ свою очередь, принять мѣры къ тому, чтобы политическая задача настоящей минуты была правильно понята всѣмъ народомъ. Теперь это важнѣе всего. И всѣ тѣ партіи, которыя участвуютъ въ этомъ движеніи, должны были бы немедленно столковаться между собою для взаимной помощи въ этомъ дѣлѣ.

Всѣ мы признаемъ правильность тактической формулы: „*врозь идти, вмѣстѣ бить!*“ „Вмѣстѣ бить“ необходимо, если мы хотимъ придти къ побѣдѣ. Но для того, чтобы „вмѣстѣ бить“ надо предварительно сговориться, иначе „совмѣстное битье“ можетъ явиться развѣ лишь дѣломъ *случайности*, а вовсе не выполненіемъ *заранѣе обдуманнаго плана*.

Для того, чтобы „вмѣстѣ бить“ непріятеля своею пропагандой, партіи, враждебныя нашему старому порядку, должны предварительно согласиться между собою на счетъ *основной идеи этой пропаганды*. А послѣ разгона Думы такой идеей можетъ служить только *идея Учредительнаго Собранія, какъ политическаго средства удовлетворенія экономическихъ и всѣхъ прочихъ нуждъ народа*.

Въ № 125 „*Рѣчи*“, въ статьѣ „къ моменту“, я прочиталъ напоминаніе о томъ, „что еще рано заботиться о своихъ *классовыхъ* интересахъ, что необходимо прежде всего обезпечить *общенародное* дѣло, нисколько не ограждаемое существующими лишь на бумагѣ правами“. Это совершенно вѣрно. И къ этому остается только прибавить, что такъ какъ *классовые* интересы пролетаріата рѣшительно ни въ чемъ не расходятся съ *общенародными*, то ему нѣтъ никакой надобности забывать ради общихъ интересовъ всего народа объ интересахъ своего класса.

О „трудовомъ“ крестьянствѣ этого уже нельзя сказать съ такою рѣшительностью, какъ о пролетаріатѣ. Его классовой интересъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ довольно сильно разойтись съ общенароднымъ. Но его классовой интересъ не только не можетъ пострадать вслѣдствіе созыва Учредительнаго Собранія, но, наоборотъ только такимъ собраніемъ онъ и можетъ быть удовлетворенъ и огражденъ сколько нибудь серьезно. Вотъ почему сознательные представители „трудового“ крестьянства, навѣрное, будутъ относиться сочувственно къ созыву такого собранія. А вотъ что касается тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые были представлены въ Думѣ ка-детской партіей, то есть нѣкоторое основаніе думать, что къ мысли о созывѣ Учредительнаго Со-

бранія они отнесутся съ извѣстнымъ недовѣріемъ, именно вслѣдствіе опасенія за свои „классовые“ интересы. Ихъ можетъ смутить вопросъ о „справедливомъ вознагражденіи“ за долженствующія отойти къ крестьянамъ частновладѣльческія земли. Они могутъ подумать, что въ глазахъ Учредительнаго Собранія наиболѣе справедливомъ вознагражденіемъ за такія земли явится вознагражденіе, *равное нулю*. И надо признать, что подобное опасеніе не было бы лишено всякаго основанія. И именно потому общественные слои, представляемые кадетской партіей, должны теперь рѣшить вопросъ о томъ, какой интересъ имъ дороже: свой классовой, или же общенародный. Какъ разрѣшатъ они этотъ вопросъ? Я не хочу пускаться въ предсказанія на этотъ счетъ.

Замѣчу одно; отрицательное отношеніе ка-детской партіи къ пропагандѣ въ народѣ идеи созыва Учредительнаго Собранія наглядно показало бы всѣмъ, имѣющимъ очи, что ка-деты защищаютъ общенародный интересъ лишь до извѣстнаго предѣла, лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ въ столкновеніе съ ихъ классовымъ интересомъ, а въ случаѣ такого столкновенія, они приносятъ первый интересъ въ жертву второму. Вотъ почему я полагаю, что „*Рѣчь*“ очень хорошо сдѣлала бы если бы, она какъ можно чаще напоминала своимъ читателямъ о томъ, „что еще рано заботиться о своихъ *классовыхъ* интересахъ, и что необходимо прежде всего обезпечить *общенародное дѣло*, нисколько не ограждаемое существующими лишь на бумагѣ правами“. Если читатели „*Рѣчи*„ согласятся съ этимъ, то они непремѣнно должны будутъ высказаться за созывъ Учредительнаго Собранія, потому что при нынѣшнихъ нашихъ условіяхъ нѣтъ и не можетъ быть другого средства сколько-нибудь серьезно „оградить общенародное дѣло“. Вѣдь новая Дума можетъ быть также разогнана, какъ была разогнона старая. Вѣдь только представители *самодержавнаго* народа могутъ не бояться интригъ реакціонной камарильи.

Эта неоспоримая истина должна быть разъяснена всѣмъ русскимъ гражданамъ. И разгонъ Думы чрезвычайно облегчилъ народу усвоеніе этой неоспоримой политической истины, а когда она будетъ имъ усвоена, тогда пѣсенка реакціонной камарильи будетъ окончательно спѣта.

Дружная, планомѣрная, неутомитая, широкая пропаганда въ народѣ и въ арміи идеи созыва Учредительнаго Собранія является единственнымъ достойнымъ отвѣтомъ на разгонъ государственной думы. Кто откажется отъ пропаганды этой идеи подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, тотъ дастъ ясно понять, что онъ въ сущности и не ищетъ достойнаго отвѣта на дѣйствія г. Столыпина и К°; что онъ, хотя бы и скрѣпя сердце, примиряется съ этими дѣйствіями; что онъ возстаетъ противъ нихъ только на словахъ, только для виду.

И тутъ не могутъ послужить смягчающимъ обстоятельствомъ никакіе призывы къ народу на счетъ отказа отъ уплаты податей и т. п. Кто зоветъ народъ къ сопротивленію, тотъ обязанъ разъяснить ему во имя чего ему надо сопротивляться. А какъ разъяснятъ это народу авторы выборгскаго манифеста?

На защиту какихъ правъ зовутъ они его? Они сами прекрасно знаютъ, что въ настоящее время *политическія права* нашего народа ровно ни чѣмъ не отличаются отъ *политическаго безправія*, и что единственное *право*, которое смоитъ того, чтобы народъ дорожилъ имъ, заключается въ „*прирожденномъ*“ правѣ завоеванія себѣ широкихъ *писанныхъ* правъ. А такихъ правъ не дастъ ему дума, дѣятельность которой въ каждую данную минуту можетъ быть пріостановлена по капризу реакціонной камарильи.

Сама по себѣ покойная Дума была ничто. Все ея политическое значеніе опредѣлялось тѣмъ, что она служила орудіемъ политическаго воспитанія нашего народа. Бойкотъ Думы былъ большой ошибкой только потому, что онъ не давалъ воспользоваться этимъ орудіемъ. Участіе въ Думѣ должно было привести къ тому, чтобы народное политическое сознаніе пошло дальше тѣхъ крайне низкихъ предѣловъ, которые были поставлены нашему „первому пар-

ламенту", къ тому, *чтобы это сознаніе доразвилось до мысли объ Учредительномъ Собраніи. Разгонъ* Думы долженъ явиться такимъ же орудіемъ политическаго воспитанія народа, какимъ являлась до сихъ поръ ея *дѣятельность.* Имъ необходимо воспользоваться для того, чтобы показать народу полную несостоятельность нынѣшней нашей „конституціи". Но при нынѣшнихъ нашихъ условіяхъ конституція, заслуживающая этого названія, можетъ быть выработана *только* Учредительнымъ Собраніемъ.

Вотъ почему пропаганда въ народѣ и въ арміи идеи этого Собранія является теперь единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ борьбы за политическую свободу.

Этимъ я не говорю, что враги реакціи должны бойкотировать ту Думу, которую обѣщаютъ намъ созвать въ февралѣ будущаго года. Вовсе нѣтъ. Бойкотъ былъ и останется вреднымъ для дѣла политическаго воспитанія народа. Но, отказываясь отъ бойкота, какъ отъ нецѣлесообразнаго пріема борьбы, враги реакціи должны самые выборы въ будущую Думу сдѣлать средствомъ пропаганды идеи Учредительнаго Собранія. Только при этомъ условіи участіе въ выборахъ дастъ для политическаго воспитанія народа все то, что оно можетъ дать.

Правительство г. Столыпина ликуетъ по поводу того спокойствія, съ которымъ народъ почти вездѣ встрѣтилъ разгонъ Думы. Оно такъ обрадовано этимъ спокойствіемъ, что становится весьма щедрымъ на обѣщанія: мы, дескать, будемъ либеральны, и сожалѣнія о Думѣ лишатся всякаго смысла. Но, не говоря уже о томъ, что русскіе граждане прекрасно знаютъ цѣну правительственному либерализму, я спрошу: какъ представлялъ себѣ г. Столыпинъ возможный отвѣтъ народа на разгонъ Думы? Ждалъ-ли онъ *немедленнаго возстанія?* Повидимому, да. Но если онъ въ самомъ дѣлѣ ждалъ его, то онъ очень и очень ошибался. Въ настоящую минуту возстаніе могло бы быть только *вспышкой* народнаго негодованія, *бунтомъ,* который безъ труда подавили бы власти; *но намъ не нужны бунты и вспышки: намъ нужна побѣдоносная революція.* А побѣдоносную революцію надо еще подготовить цѣлымъ рядомъ агитаціонныхъ и организаціонныхъ усилій. Теперь это понимаютъ, какъ видно, даже тѣ изъ революціонеровъ, которые еще недавно смѣшивали вспышко-пускательство, — какъ выражались у насъ въ семидесятыхъ годахъ,—съ революціоннымъ способомъ дѣйствій. И потому, что это понимаютъ теперь даже эти отсталые сторонники свободы, дѣло революціи стоитъ въ настоящее время прочнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Спокойствіе нашего пролетаріата указываетъ лишь на то, что въ его средѣ *стихійность уступаетъ мѣсто сознательности.* А это составляетъ первое условіе успѣха революціи.

Въ крестьянствѣ, правда, сильна еще стихійность, и потому можно опасаться, что когда крестьянство дастъ себѣ отчетъ въ томъ, что означаетъ для него разгонъ Думы, то оно не останется спокойнымъ. Но преждевременные крестьянскіе взрывы будутъ вредны для торжества революціоннаго движенія, и потому сознательные участники этого движенія обязаны приложить всѣ усилія къ тому, чтобы столь отрадное для г. Столыпина спокойствіе до поры до времени нарушалось какъ можно рѣже.

Итакъ, если народное спокойствіе радуетъ г. Столыпина, то мы постараемся продлить его радость. Мы позаботимся о томъ, чтобы спокойствіе не было нарушено до тѣхъ поръ, пока не будетъ обезпечено торжество революціи.

Въ № 126 „Рѣчи" описывается митингъ, происходившій въ слободѣ Покровской, Сам. губ., въ воскресенье, 9-го іюля (ст. ст.), по поводу разгона Думы. На этомъ митингѣ слушатели кричали: „Нужно, чтобы было созвано Учредительное Собраніе"! а ораторы совѣтовали народу „ждать, что скажутъ о роспускѣ Думы Петербургъ и Москва, а пока разойтись и оставаться спокойными".

Спокойствіе, которое рекомендовали народу покровскіе ораторы, будетъ не укрѣплять положеніе г. Столыпина, а ослаблять его, и намъ нужно побольше такого спокойствія.

Какъ много еще нужно сдѣлать намъ въ смыслѣ пропаганды, агитаціи и организаціи, видно изъ того, что до сихъ поръ существуютъ крупные промышленные центры, — напримѣръ, Иваново-Вознесенскій, Донецкій, Брянскій, въ которыхъ наше вліяніе совсѣмъ еще не такъ сильно, какъ оно могло бы и должно было бы быть. Въ этихъ центрахъ еще сильна *черная сотня*, т. е. слабо *классовое самосознаніе пролетаріата*. А какъ легко подвинуть его впередъ, это показываютъ хоть бы слѣдующіе факты, сообщаемые бахмутскимъ корреспондентомъ „Рѣчи“ (№ 125).

Указавъ на то, что теперь въ Бахмутскомъ уѣздѣ часто происходятъ большія рабочія собранія, г. корреспондентъ прибавляетъ:

„Открытое общеніе рабочихъ на митингахъ уже принесло плоды. Еще недавно славился своими черносотенцами и хулиганами щербиновскій рудникъ. Во время погромовъ этотъ рудникъ давалъ главные кадры погромщиковъ.

„Теперь рудникъ преобразился до неузнаваемости. Нѣтъ не только прежняго хулиганства, а, напротивъ, рабочіе этого рудника съорганизовали изъ своей среды боевую дружину въ 500 человѣкъ. Дружинники разбиты на двѣ роты. Въ каждой ротѣ ротный командиръ и 10 низшихъ начальниковъ Дружина эта охраняетъ всѣ собранія и митинги рабочихъ. Здѣсь же, въ Щербиновкѣ, рабочіе устроили свой „рабочій, народный судъ“, не желая имѣть дѣло съ оффиціальными судебными институтами. Этотъ народный судъ въ Щербиновкѣ функціонируетъ довольно правильно“.

При планомѣрной работѣ мы очень скоро поставимъ подъ революціонное знамя даже самые отсталые слои пролетаріата. А за ними пойдутъ крестьяне. Что и здѣсь мы работаемъ, — когда работаемъ, — очень удачно, это извѣстно всѣмъ членамъ нашей партіи и это видно изъ другой корреспонденціи той же „Рѣчи“.

Описавъ митинги, устраиваемые въ деревняхъ с.-р. и с.-д. нижегородскій корреспондентъ этой газеты указываетъ на совершающуюся въ крестьянской средѣ организаціонную работу.

„Послѣ митинговъ идетъ организаціонная работа. Устраиваются своего рода деревенскіе политическіе клубы, съ партійной окраской, куда посылаются газеты всѣхъ направленій и книги, учреждается маленькій „комитетъ“ изъ 5—10—15, а въ одномъ мѣстѣ даже изъ 40 крестьянъ, руководящій работой. На время, въ такомъ кружкѣ, поселяется агитаторъ и ведетъ кружковую работу, разбивъ сочувствующихъ своей партіи на отдѣлы по 10—18 человѣкъ, занимаясь съ ними въ свободное время по программѣ своей партіи. Особенно это хорошо оборудовано у с.-д. Крестьяне охотно прослушиваютъ до 10—20 бесѣдъ, начинающихся съ исторіи крѣпостного права, исторій революцій съ окраской классовыхъ противорѣчій, эксплоатаціи рабочихъ капиталистами, положеніемъ пролетаріата, развитіемъ капитализма и кончая аграрнымъ вопросомъ, соціализмомъ и образомъ программъ всѣхъ партій.

Нерѣдко послѣ нѣсколькихъ кружковыхъ бесѣдъ, крестьяне требуютъ дискуссій и тогда желаніе ихъ исполняются и гдѣ-либо въ лѣсу выступаютъ передъ ними для состязанія ка-деты, эс-еры и эс-деки.

Все это имѣетъ громадное политическое воспитательное значеніе для нашего крестьянства. Нерѣдко на этихъ митингахъ можно видѣть женщинъ и дѣвушекъ.

По окончаніи кружковыхъ занятій крестьяне, съорганизовавшись въ партійный, а большей частью, безпартійный, просто демократическій коллективъ, раздѣляютъ работу пріѣзжихъ, сами агитируютъ и выступаютъ на сельскихъ сходахъ и разныхъ скопищахъ народа.

Намъ извѣстно, что у одной только с.-д. партіи работа велась за эти мѣсяца болѣе, чѣмъ въ ста деревняхъ всѣхъ уѣздовъ".

Это уже весьма хорошо, а нужно, чтобы вся крестьянская Россія подверглась такому воздѣйствію нашей партіи. Мы не можемъ побѣдить, не сдѣлавъ этого; а сдѣлавъ это, мы *не можемъ не побѣдить*.

Не можемъ не побѣдить, если при этомъ будетъ соблюдено еще одно условіе: *систематическое воздѣйствіе на армію*. Въ брошюрѣ „*О Государственной Думѣ*", вышедшей не дальше, какъ въ 1905 г., т. П. Орловскій писалъ (ст. 18): „пусть дружно подымется народъ, и солдаты перейдутъ на его сторону и пойдутъ противъ кровопійцъ". Такого легкомыслія нельзя было ожидать даже отъ легкомысленнаго т. П. Орловскаго. Войско *уже* затронуто революціонной пропагандой, но пока еще все таки не достаточно „дружно поднятыя" народу, чтобы оно перешло на его сторону. Нѣтъ, несмотря на несомнѣнные успѣхи революціонной пропаганды въ арміи, здѣсь нужна еще очень упорная революціонная работа. Эта работа можетъ быть облегчена содѣйствіемъ намъ со стороны сознательныхъ слоевъ населенія, которые должны воспользоваться своими связями съ войскомъ,—такія связи есть почти въ каждой семьѣ, потому что почти каждая самья поставляетъ на службу хоть одного солдата,—для воздѣйствія на него въ революціонномъ смыслѣ. Но эту работу все таки необходимо сдѣлать прежде, чѣмъ звать народъ на бой. Въ противномъ случаѣ мы сослужимъ службу не себѣ, а г. Столыпину и прочимъ „либераламъ" его оттѣнка.

На западѣ ни одинъ соціальдемократъ не напишетъ того, что написалъ т. П. Орловскій, а у насъ онъ гордо считаетъ себя представителемъ передового теченія въ соціальдемократіи. Впрочемъ, я надѣюсь, что теперь этотъ „передовой" человѣкъ и самъ уже не рѣшился бы повторить то, что съ легкимъ сердцемъ писалъ онъ въ прошломъ году. И во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что у нашаго пролетаріата достаточно здраваго смысла, чтобы какъ слѣдуетъ оцѣнить легкомысліе т. П. Орловскаго.

Пролетаріатъ пойдетъ въ бой не тогда, когда это удобно будетъ г. Столыпину, а лишь тогда, когда это удобно будетъ для него самого.. А для него самаго это удобно будетъ *только тогда*, когда революціонное настроеніе овладѣетъ всѣмъ народомъ и значительной частью войска.

И дѣло очевидно идетъ къ этому. Нужно только, чтобы „общество" поддержало усилія революціонеровъ. Если „общество" исполнитъ свою обязанность, какъ, навѣрно, исполнятъ ее революціонеры, то уже не долго придется намъ ждать того времени, когда нынѣшнее наше „общее горе" станетъ для насъ источникомъ *общей радости*.

Г. Плехановъ.

Женева. Сентябрь 1906.

4-1568

АРХИВЪ